

Глава 10

Порядок и хаос

Интересно, хватало ли у вас когда-нибудь терпения в кинотеатре оставаться в кресле после того, как уже промелькнули последние кадры фильма и пошли титры. Если да, то вы наверняка были поражены нескончаемым списком имен людей, или просто функций, которые создатели фильма сочли нужным упомянуть. Вы несомненно узнали бы из этого списка, что число людей, работавших за кадром, во много раз больше, чем тех, чьи лица вы увидели в фильме. Имен невидимых помощников гораздо больше, чем актеров. Более того, некоторые аспекты этого коллективного предприятия обозначались названиями фирм, а каждая такая фирма использует труд гораздо большего числа людей, чем можно упомянуть в каком-либо списке. И это еще не все. Некоторые люди, работа которых была необходима и без которых вы не смогли бы увидеть фильм, вообще не были упомянуты. Например, компания, позаботившаяся об озвучивании ролей, была упомянута, а компания, поставившая оборудование для озвучивания, — нет, как и компания, обеспечившая комплектующими другую компанию, производящую оборудование; не были упомянуты и фабрики, производшие сырье для изготовления этих комплектующих, равно как и бесчисленное множество людей, чей труд был необходим для того, чтобы те, кто производит сырье или комплектующие, были накормлены, одеты, здоровы, обеспечены жильем, чтобы они приобрели навыки, необходимые для их работы...

Назвать или хотя бы косвенно упомянуть всех их — дело совершенно немыслимое. Поэтому кто-то должен решить, где прервать список упоминаний; и каким бы это решение ни было, оно в любом случае было бы произвольным. Черту можно было бы подвести в любом другом месте и с той же легкостью (при наличии простейшего обоснования или вовсе без оно). Любая черта, сколь бы тщательно ни выбиралось место для нее, всегда будет вынужденной, случайной, вероятностной и по этой причине всегда будет предметом споров. Спор, каким бы горячим он ни был, останется незавершенным в силу того очевидного факта, что никакая граница, сколь бы скрупулезно ее ни проводили, не отражает “объективной истины” (объективно существующих разделений, которые она предполагает отразить). Ни одно собрание людей, ограниченное этой чертой, не может считаться вполне самодостаточным, в данном случае — достаточным для производства фильма; сама по себе его “реальность” как полного, замкнутого коллектива является результатом ограничивающего действия. Совокупность людей, задействованных в производстве одного-единственного фильма, практически не имеет границ (точнее, она не имела бы границ, если бы не факт произвольного подведения черты). Для того чтобы еще больше усложнить задачу проведения границ, заметим: вообще невозможно четко отделить все то, что эти люди сделали для фильма, от остальной их жизни; их вклад в производство фильма — лишь один из аспектов их жизнедеятельности, в которой есть и другие интересы, очень слабо соотносящиеся, если вообще соотносящиеся, с той ролью, которую они сыграли в производстве фильма. Принимая решение, где прекратить список выражения признательности, некто делает искусственное разделение в двух смыслах. С огромной массы взаимопересекающихся жизней взаимозависимых индивидов был сделан тонкий срез, который, поскольку он был отделен от остального, казалось, имеет “свою собственную реальность”: с одной стороны, он представлялся самодостаточным, а с другой — внутренне скрепленным общей целью и функцией. Однако на самом деле все обстоит не так. Дело в том, что все якобы независимые и автономные образования, все на первый взгляд “самоуправляющиеся”, жизнеспособные подразделения человеческого мира имеют сомнительную и уязвимую природу: все они являются результатом отчаянных попыток обособить четко обозначенные, управляемые маленькие мирки, выделить их

из несвязной и не имеющей границ, протяженной и нераздельной реальности. В случае с титрами в конце фильма операция такого обособления не имела особо значимых последствий. В худшем случае она могла привести к тяжбе, если бы не упомянутые помощники захотели потребовать восстановления справедливости, публичного подтверждения значимости их услуг. Но этот случай дает нам пример гораздо более серьезного затруднения, известного своими отнюдь не безобидными проявлениями. Представьте себе попытки провести четкие государственные границы, которые вобьют клин между людьми, имеющими тесные экономические и культурные связи, а людей, до этого имевших мало общего, поместят в одинаковые условия. Или представьте себе меры, предпринимаемые для сохранения брака, но упускающие из виду все многообразие взаимозависимостей, в которых участвуют оба партнера и в которых семейные отношения — лишь одни из многих, причем не независимые и даже не основные.

Как можно предположить, такие попытки прочертить, установить и охранять искусственные границы становятся предметом все возрастающего интереса (пока в конце концов не превратятся в навязчивую идею) по мере того, как “естественные”, т.е. прочно установленные, крепкие и не поддающиеся изменениям, различия и расстояния стираются и исчезают, и человеческие жизни (даже те, что находятся на огромном географическом или духовном расстоянии друг от друга) оказываются связанными между собой еще прочнее. Чем менее “естественна” граница, тем чудовищнее ее давление на сложную реальность, тем большего внимания и осмысленных усилий требует ее охрана, тем чаще она вынуждает прибегать к насилию и принуждению. Самыми спокойными и менее всего охраняемыми государственными границами являются те, которые совпадают с территориальными пределами поселения внутренне единого и “обращенного вовнутрь” населения. Государственные границы, проводимые через области частого и интенсивного экономического и культурного взаимодействия, нередко служат предметом споров и даже вооруженной борьбы. Возьмем другой пример: как только сексуальные взаимоотношения начинают все больше отделяться от эротической любви и от устойчивых, многосторонних взаимоотношений сожительства, к которым они “естественно” принадлежали, так сразу они становятся предметом растущего беспокойства, требующим особой изобретательности и психологического напряжения, вдруг оборачивающегося насилием.

Можно сказать, что значение разделения, принудительности, с которой оно проводится и защищается, растет вместе с его хрупкостью и степенью ущерба, который оно наносит сложной человеческой реальности. Когда убеждаются в том, что разделение вряд ли примут на веру, за него сражаются изо всех сил; эта борьба за непроницаемость границ становится тем более угрожающей, чем менее она способна достичь своей цели.

Такую ситуацию многие считают наиболее отличительной чертой современного общества — общества, которое установилось в нашей части мира около трех столетий назад и в котором мы живем по сей день. В условиях, предшествовавших этому периоду (о которых часто говорят как о “до-современных”), сохранение различий и разграничений между разными категориями людей привлекало меньше внимания и вызывало меньше активности, чем сегодня, именно потому, что различия воспринимались как естественные, не зависящие от осознанных усилий со стороны человека. Они казались самоочевидными, вечными и неизменными, не поддающимися человеческому воздействию, а уже тем более не казались сотворенными человеком. Наоборот, они воспринимались как часть “божественного Космоса”, где все и вся имело свое место и было обречено оставаться там всегда. Благородный человек был благородным по рождению, и ничто из того, что он делал, не могло лишить его этого качества или сделать его чем-то

иным. То же относилось и к крепостным и большей части горожан (единственной лазейкой сквозь непроницаемые границы были война и религиозная деятельность; это обстоятельство обусловило пристальное внимание к профессиям священнослужителя и солдата, а также к построению, защите и развитию церковной и военной иерархий). И в самом деле казалось, что человеческая жизнь основательно обустроена, как и все остальное в мире, поэтому считалось, что нет причин различать “природу” и “культуру”, “человеческие” и “естественные” законы, природный и человеческий порядок. Оба казались высеченными из единого прочного, нерушимого монолита

Примерно к концу XVI в. в Западной Европе эта гармоничная и целостная картина мира начала рушиться (в Англии данный процесс пришелся на период после правления Елизаветы I). Поскольку число людей, не вписывавшихся четко ни в одну из установленных ячеек “божественной цепочки бытия” (а следовательно, и объем тех усилий, которые предпринимались, чтобы отнести их к строго определенным, тщательно соблюдаемым позициям), резко возрастало, постольку, естественно, ускорились темпы законодательной деятельности, в частности были приняты кодексы, регулирующие даже те сферы жизни, которые с незапамятных времен были предоставлены себе самим; кроме того, были созданы специальные органы для надзора, присмотра и защиты правил, для предупреждения нарушений и обезвреживания преступников. Социальные различия и неравенство стали предметом анализа, преднамеренного планирования и целеполагания и, наконец, осознанных, организованных и специализированных усилий. Постепенно становилось очевидным, что в отличие от леса, моря или поля социальный *порядок* является результатом *человеческой* деятельности, что он не может долго существовать, если его постоянно не поддерживать мерами, которые могут быть и должны быть спланированы и предприняты только людьми. Различия между людьми уже не рассматривались как “естественные”. Коль скоро они — результат человеческой деятельности, то их можно улучшать или ухудшать. И что бы там ни было, они были и будут *произвольными* и *искусственными*. Таким образом, человеческий порядок стал восприниматься как предмет искусства, познания и технологии.

Это новое видение резко разделило природу и общество. Морено сказать, что природа и общество были “открыты” одновременно. В действительности же, если что-то и было открыто, то вовсе не природа или общество, а именно *различие* между ними, особенно различие между практикой, сопряженной с обществом, и практикой, связанной с природой. По мере того как условия человеческого существования все больше закреплялись законодательно и становились продуктом управления и обдуманной манипуляции “природе” все более отводилась роль огромного хранилища, которое вмещало в себя все то, что еще не успели или не намеревались подчинить себе человеческие силы; иными словами, под “природой” подразумевалось все, что управлялось согласно собственной логике и что люди оставили на произвол судьбы. Философы заговорили о “законах природы” по аналогии с законами, которые оглашали короли или парламенты, хотя и отличали первые от последних. “Естественные законы” рассматривались как подобные законам королей (т.е. они столь же обязательны и чреватые карательными санкциями), но, в отличие от королевских указов, у них не было вполне определенного автора (т.е. их сила была сверхчеловеческой независимо от того, были они установлены Божьей волей для непостижимой цели или они причинно обусловлены, с абсолютной необходимостью детерминированы непосредственно тем порядком, который господствует во вселенной)

Идея порядка как регулярной последовательности событий, как гармоничного сочетания хорошо прилаженных частей, как ситуации, в которой все остается таким, каким и должно быть, появилась не в современную эпоху. Определенно

современными являются *интерес* к порядку, понимание необходимости что-то делать для этого, страх перед тем, что если это “что-то” не будет сделано порядок рассыплется в прах, превратится в хаос. (При этом под хаосом имеется в виду неудачная попытка упорядочить вещи; таким образом, положение дел, отличное от предполагаемого и устанавливаемого порядка, представляется не как другой порядок, а как отсутствие какого бы то ни было порядка вообще. Таким беспорядочным его делает неспособность наблюдателя контролировать поток событий, получать требуемую реакцию среды, предотвращать, устранять нежелательные или незапланированные ситуации, происшествия, короче говоря — *неопределенность*.) В современном обществе только чуткое отношение к человеческим делам может занять прочное место между порядком и хаосом.

И все же, как мы видели, границы любого участка в сети взаимозависимостей, любого составного, но отдельного действия, отсеченного от универсума жизнедеятельности, являются произвольными и потому прозрачными, легко проницаемыми и спорными. Управление порядком (всегда частичным) является тем самым неполным, далеко не совершенным и вынужденным постоянно оставаться именно таковым. Существует много внешних зависимостей, не объяснимых человеческими целями и устремлениями, которые сметают искусственно проведенные границы и вмешиваются в планы любых правителей. Спланированный и управляемый участок оказывается не более чем замком на песке, шалашом, продуваемым всеми ветрами, или, еще точнее, водоворотом в бурной реке, который, сохраняя свою форму, постоянно меняет свое содержание.

В лучшем случае мы можем говорить лишь об островках порядка (непостоянных и хрупких), разбросанных в огромном море хаоса (т.е. незапланированного и неоформленного потока событий). Самое большее, чего могут достичь попытки устройства порядка, — это относительно автономные субтотальности (отмеченные несколько большим перевесом центростремительных сил над центробежными, несколько большей интенсивностью внутренних связей и несколько меньшей значимостью внешних ограничений). Преимущество внутренней стойкости над внешними потрясениями всегда относительно и никогда не бывает абсолютным. А это значит, что победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной. Борьба никогда не прекращается, поскольку ее предполагаемая цель в принципе не достижима.

Говоря это, мы делаем не более того, что выводим общие заключения из наблюдений некоторых случаев, рассмотренных в предыдущих главах. Вспомним то затруднение, с которым сталкиваются попытки втиснуть всех людей, попадающих в орбиту территориального образования или организации, в рамки строго разграниченных категорий, классифицировать их либо как “мы”, либо как “они”, как своих или чужих, как врагов или друзей. Мы видели также, что самые искренние попытки добиться ясности в этих разграничениях заканчиваются неудачей, поскольку всегда остается довольно большое число людей, которые находятся и не внутри, и не снаружи, т.е. чужаки, чье присутствие меняет всю картину и лишает ясности поведенческие ориентиры. Именно потому, что ни одна дихотомия, т.е. двусторонняя классификация, не соответствует сложности человеческих ситуаций, сама попытка навязать такие “пары” бесконечно многообразной реальности несет в себе изрядную долю двусмысленности — она-то и сохраняет опасность хаоса и постоянно отодвигает завершение задуманного порядка. Или вспомним затруднения, с которыми сталкивается любая бюрократическая организация, когда пытается подчинить поведение своих членов одной-единственной, определенной начальством цели и вычеркнуть все остальные мотивы и желания, какие только они смогут принести из других группировок, где они проводят свою жизнь помимо организации; или вспомним безнадежное стремление свести все человеческие отношения внутри

самой организации к ситуациям обмена, способствующим достижению организационной задачи, и не позволять личным амбициям, ревности, симпатиям, дружелюбию или нравственным порывам нарушать исключительную концентрацию на одной-единственной цели, спускаемой с вершин бюрократической иерархии. Как мы видели, даже самые энергичные попытки в этом отношении не могут не закончиться неудачей — не могут воплотить в жизнь этот яркий, гармоничный образ, изначально закладывавшийся в организационную структуру. Отсюда и постоянные жалобы на ненадежность, двурушничество, неподчинение, предательство.

Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал. Они всегда оставляют в воображении островки относительной автономии и в то же время преобразуют территорию, смежную с искусственно выделенными островками, в серое пространство двойственности, амбивалентности. По этой причине такие попытки должны постоянно возобновляться и вряд ли когда-нибудь прекращаться. Амбивалентность (как сущность беспорядка, хаоса) есть неизбежный результат всех без исключения классификаций, т.е. обращения с объектами реальности так, словно они и в самом деле отделены друг от друга и дискретны, будто они не выходят ни за какие рамки и, наконец, принадлежат только к одному подразделению. Амбивалентность проистекает из предположения, что люди, наделенные множеством качеств, могут быть четко разделены на тех, кто внутри, и тех, кто снаружи, на полезных и вредных, соответствующих и несоответствующих или что они, по меньшей мере, должны быть подразделены. Любая дихотомия как противопоставление неизбежно порождает амбивалентность; или, говоря иначе, не было бы амбивалентности, если бы не дихотомическое представление, по необходимости связанное со всяким стремлением к порядку.

Дихотомичное представление по принципу “либо — либо” само по себе является продуктом стремления к относительно автономному замкнутому пространству, над которым может осуществляться тотальный и вездесущий контроль. Поскольку любая власть имеет свои пределы, поскольку контроль над вселенной в целом не в человеческих силах и ускользает даже от самых дерзких человеческих устремлений, постольку установление порядка на практике всегда означает обособление сферы порядка от беспорядочного окружения, от “естества”, проведение границы вокруг островка порядка в безбрежном море хаоса. Весь вопрос в том, как обеспечить это обособление, как построить тот забор или прочную плотину, которая предохранила бы остров от затопления морем, как остановить поток неопределенности. Установление порядка требует искусства ведения войны против неопределенности. Установить порядок — значит пойти войной на двусмысленность.

На любом относительно автономном островке порядка следят за тем, чтобы все делалось однозначно (т.е. поддерживают такую ситуацию, когда каждое название соотносится со строго определенным типом объектов, а каждый объект имеет название, сразу узнаваемое и не смешиваемое ни с чем). Для этого надо, конечно, чтобы все другие значения, “другие способности”, незапланированные признаки, вещи и слова были запрещены, подавлены, объявлены неуместными или оставлены вне поля зрения. Для того чтобы достичь этой двойной цели, критерии классификации должны быть такими, чтобы можно было контролировать их и принимать решения на их счет из единственного места — из которого правят и дают распоряжения (заметим, что монополия правителей, т.е. их исключительное право решать, где проводить границу между внутренним и внешним, единственно их компетенция определять все, что подлежит их усмотрению, эта монополия является необходимой предпосылкой поддержания порядка и предотвращения неопределенности; возможно, она служит и их мотивом). Критерии, исключаящие

такой централизованный контроль, объявляются незаконными, предпринимаются попытки устранить их из практики, нивелировать или каким-либо другим способом нейтрализовать действие. Неопределенность — это враг, против которого хороши все средства принуждения и символического насилия. Вспомним борьбу, которую ведут блюстители любой ортодоксии против еретиков и диссидентов! Вспомним и то, что эта борьба намного более жестока и беспощадна, чем борьба с объявленными врагами — язычниками или неверными!

На карте проводится воображаемая линия. Затем ее называют “государственным рубежом”. Вдоль него ставят вооруженных людей для предотвращения “незаконного” пересечения его. Эти вооруженные люди одеты в униформу, благодаря которой любой может признать в них уполномоченных лиц, т.е. тех, кто имеет право решать, кому позволено, а кому не позволено пересекать рубеж. Однако отнюдь не эти люди являются настоящими стражами. Они действуют как посредники, как представители другой власти, находящейся где-то в столице страны, границы которой они охраняют. Именно эта власть и решает, кто имеет право пересекать границу, а кого следует задержать и отправить обратно. Эта власть выдает паспорта лицам первой категории и составляет черные списки неблагонадежных из лиц второй категории. Эта власть поступает так, как поступают все власти: она пытается аккуратно разделить на две взаимоисключающие группы огромное количество людей, чьи личностные характеристики никоим образом не исключают друг друга и чьи различия (равно как и сходства) разнообразны до бесконечности. Благодаря неусыпной бдительности этих властей и множества посредников, выполняющих их волю, поддерживается сомнительное тождество государства как сообщества людей, объединенных одним качеством — “подданные государства”. Человек либо принадлежит, либо не принадлежит к этому сообществу, третьего не дано, — никакого промежуточного статуса, никакой двусмысленности.

Один и тот же образец повторяется до бесконечности. Когда вы видите вооруженных людей в униформе и на страже, то это задействован именно такой образец. Иногда, чтобы быть принятым внутри, вы должны показать удостоверение личности, которое отличает вас, скажем, известного и надежного болельщика этой футбольной команды, от всех не удостоверенных участников игры; или показать приглашение, подтверждающее то, что хозяева хотят видеть вас в качестве гостя на своем вечере; или членский билет, определяющий вас как “одного из нас”, т.е. членов клуба; или студенческий билет, подтверждающий ваше право на чтение книг в университетской библиотеке в отличие от мошенника или случайного посетителя, просто пришедшего взглянуть на интересные книги... Если вы не сможете предъявить такой билет, паспорт, приглашение и т.п., то вас, по всей вероятности, выставят за дверь. Если же вам каким-либо образом удастся проникнуть внутрь, но вас обнаружат, то в лучшем случае попросят удалиться. Пространство было зарезервировано для особого рода людей, которые следуют одним и тем же правилам, соблюдают одну и ту же дисциплину и подчиняются одной и той же власти. Ваше непрошенное присутствие подрывает ее устои. Относительная автономность образования, контролируемого этой властью, может быть принижена и извращена не поддающейся “приручению” двусмысленностью, если эту автономность отдать на произвол тех сил и влияний, которые делают взаимодействия случайными и потому далекими от регулярности и порядка. Вообще государство или какие-либо другие организации могут поддерживать и защищать свой особый, всегда непрочный, порядок (а тем самым и свое тождество, относительную автономию) в течение лишь некоторого, строго определенного времени — до тех пор, пока стражи остаются на местах, пока некоторые люди или их некоторые личностные характеристики надежно упрятаны за охраняемыми воротами.

Закрывать эти ворота физически или закрыть физические границы не просто, хотя, по крайней мере технически, — дело вполне ясное. А вот раскалывание человеческой личности на части, допустимые и не допустимые внутри границ, ограничение коммуникаций — задачи куда более сложные. Добиться преданности организации (означающей отказ или подавление всех остальных привязанностей) весьма трудно, обычно это требует самых изощренных уловок. От сотрудников фирмы или компании могут потребовать отказаться от членства в профсоюзах или политических движениях; им могут запретить обсуждать дела организации с людьми, которые к ней не принадлежат (если же сотрудники нарушат это правило, то, сравнив суждения и мнения этих “посторонних” с официальным мнением начальства, могут обнаружить, что последнее не столь уж безупречно, как им внушают). Вспомните пресловутый “Акт об официальных секретах”, запрещающий государственным служащим обнародовать информацию о деятельности и намерениях государственных органов, даже если популяризация этой информации отвечает общественным интересам, т.е., по определению, интересам тех людей, которые не состоят на государственной службе. Именно потому, что организации стремятся затормозить поток информации, единство личности и личных связей, простирающихся за искусственные границы, представляется как опасная неопределенность, а поэтому, с точки зрения организации и ее начальников, становится самой опасной угрозой порядку. Охрана секретов порождает шпионов и предателей или, скорее, она обозначает, квалифицирует некоторые в других отношениях невинные и “естественные” человеческие действия как предательские и подрывные.

Сфера неопределенности, неизбежно окружающая все искусственно проведенные границы, и стратегии, разработанные для ее искоренения или подавления, не являются единственным следствием территориальной или функциональной (всегда относительной и непрочной) автономии. Естественная сеть связей и зависимостей разрывается на части, общение через искусственно воздвигнутые границы сводится на нет, и в результате проведение границ оборачивается многочисленными побочными последствиями, которых никто не предвидел, не просчитывал и не желал. То, что кажется правильным, рациональным решением проблемы с точки зрения одного относительно автономного образования, само по себе становится проблемой для другого образования. А поскольку эти образования, вопреки их собственным представлениям, тесно взаимосвязаны, постольку задача разрешения проблемы ложится в первую очередь непосредственно на самого действующего субъекта. Его деятельность ведет к незапланированным и непредсказуемым сдвигам в общей ситуации, которые делают последующее решение начальной проблемы более затратным, чем предполагалось, или даже вовсе невозможным. Самым ярким примером таких побочных эффектов является нарушение экологического и климатического баланса на планете, которое угрожает, как опасаются, существованию всех стран и народов независимо от их удаленности от ограниченной территории, охватываемой деятельностью и замыслами тех, кто принимает решения. Природные ресурсы земли истощаются, делая проблемы еще более тяжелыми, а их разрешение — все более сложным. Промышленные предприятия загрязняют воздух и воду, создавая множество невероятных осложнений для тех, кто отвечает за здоровье людей и развитие городов. Пытаясь сделать свое производство более эффективным, компании значительно рациональнее используют рабочую силу, а в результате, избавляясь от излишка рабочих, они прибавляют к упомянутым проблемам хроническую безработицу, нищету и заброшенные районы. Огромное увеличение числа частных автомобилей, шоссе, аэропортов и самолетов, казавшееся решением проблемы мобильности и передвижения, имеет следствием автомобильные пробки, загрязнение воздуха, шум; оно ведет к такой централизации культурной жизни и услуг в одних местах, что

необитаемыми становятся целые локальные поселения в других — там разрушаются целые населенные районы. Перемещение теперь становится более необходимым (место работы, как правило, достаточно отдалено от места проживания) или более притягательным (“убежать от всего этого” хотя бы на несколько выходных дней), чем когда-либо раньше, и в то же время — более трудным и изматывающим. В общем и целом автомобили и самолеты неожиданно усилили и обострили ту самую проблему, которую они были призваны решить, а обострив ее, они ни на йоту не приблизили ее решение. Как бы там ни было, но они ограничили коллективную свободу, которую обещали расширить.

Такая тупиковая ситуация кажется всеобщей, и из нее нет очевидного выхода. Она заложена в самой относительности автономии любого образования, искусственно вырванного из единого целого, связующего всех людей с обитаемым миром. Автономия в лучшем случае может быть частичной, в худшем — просто воображаемой: зачастую автономия мерещится только потому, что мы слепы или добровольно закрываем глаза (это меня не касается; это не мое дело; разве я сторож брату моему? всяк сам за себя и к черту отстающих) на разнообразные и далеко идущие связи между всеми действующими субъектами и между всеми их действиями. Число факторов, принимаемых во внимание при планировании и осуществлении решения каждой проблемы, всегда меньше, чем сумма факторов, влияющих на ту ситуацию, которая породила эту проблему, или зависящих от нее. Можно даже сказать, что власть как способность устраивать, воплощать и поддерживать порядок заключается именно в умении отодвигать в сторону, не принимать во внимание многие факторы, которые, если их проигнорировать, могут сделать порядок невозможным. Обладать властью — значит, помимо всего прочего, решать, что важно, а что не важно; что пригодится в борьбе за порядок, а что не представляет интереса. Сложность, однако, состоит в том, что это еще не означает устранения таких “неуместных” факторов из реальной жизни.

Поскольку приписывание, определение соответствия и несоответствия чего-то чему-то всегда условно, *контингентно* (т.е. не существует какого-то исчерпывающего основания для проведения границы соответствия; ее можно провести по-разному), постольку решение может горячо оспариваться, что зачастую и происходит. История изобилует примерами подобных споров. На пороге Нового времени, эпохи модернизации одно из наиболее ожесточенных сражений разгорелось вокруг перехода от *патронажа* к тому, о чем сокрушались некоторые мыслители того времени и против чего выступали некоторые движения протеста тех лет, — к *денежным отношениям*. Столкнувшись с бессердечным равнодушием владельцев фабрик к судьбам “рабочих рук фабрики” (само название, которое дали тогда рабочим, содержало в себе намек на то, что именно их руки, и только руки, интересовали владельцев), критики нарождавшейся фабричной системы вспоминали практику ремесленных мастерских и даже сельских мануфактур, которые работали как “одна большая семья”, снизу доверху. Хозяин мастерской и сельский сквайр могли быть безжалостными и деспотичными, нещадно эксплуатировать усердный труд своих рабочих, но и рабочие были вправе ожидать от них заботы о своих нуждах и надеяться, что в тяжелый час они выручат их из беды. Рабочие могли надеяться, что им будет обеспечена крыша над головой, помощь в случае болезни или стихийного бедствия и даже некоторое пособие по старости или инвалидности. В явном противоречии с этими старыми обычаями владельцы фабрик ни одно из подобных ожиданий не рассматривали как законное. Они платили своим работникам за труд, выполняемый на фабрике в определенное время, а остальное, как они полагали, — это личное дело каждого рабочего. Критики такой системы и защитники фабричных рабочих возмущались подобным “умыванием рук”. Они отмечали, что рутинная, отупляющая, изматывающая работа изо дня в день истощает рабочих

физически и опустошает духовно, тем самым глубоко воздействуя на личность рабочих и их семьи, за которые хозяева фабрик снимают с себя всякую ответственность. Кроме того, они подчеркивали, что когда заводские рабочие выбираются из этой молотилки фабричного режима, они превращаются в “человеческие отходы” (и подобно другим частям фабричного продукта из разряда отходов, они рассматриваются как бесполезные с точки зрения производственного плана, как неизбежная составная конечного продукта, которую из-за невозможности дальнейшего прибыльного использования оставляют вне поля зрения, обходят заботами и, в конце концов, просто выбрасывают вон). Критики также указывали, что отношения между владельцами фабрик и фабричными рабочими в действительности не ограничиваются просто обменом труда на заработную плату: труд не может быть отсечен и изолирован от личности работника так же, как сумма наличных отсекается от личности хозяина. “Отдать свой труд” означает подчинить всю личность, тело и душу, задаче, поставленной хозяином, и напряженному ритму, задаваемому хозяином. Хотя хозяева, полностью сконцентрировавшие свое внимание на “полезном продукте”, вряд ли захотят признать это, от работника в обмен на заработную плату тем не менее действительно требуют отдать всю его личность и свободу. Власть владельцев фабрик над наемными работниками выражалась именно в том, что им сходилась с рук эта асимметрия якобы равноценного эквивалентного обмена. Наниматели определяли смысл найма и оставляли за собой право решать, что касается рабочих, а что — нет, т.е. то самое право, в котором они отказывают нанимаемым. Естественно, что борьба рабочих за лучшие условия труда и право голоса в управлении производственным процессом, в определении их собственных ролей и обязанностей в нем должна была превратиться в борьбу против права нанимателей определять границы и содержание порядка, устанавливаемого на фабрике.

Конфликт между рабочими и владельцами фабрик по поводу определения границ фабричной системы — это только один пример противостояния, которое с необходимостью вызывают все определения порядка. Поскольку любое определение контингентно и в конечном счете опирается на чью-либо власть установить его, оно в принципе остается спорным, и действительно, его стремятся оспаривать те, кто пал жертвой его следствий. Время от времени вы слышите горячие споры о том, кто должен расплачиваться, например, за загрязненные запасы питьевой воды, выбросы токсичных веществ или за ущерб, нанесенный ландшафту новой шахтой или железнодорожной магистралью. В принципе такого рода споры могут продолжаться вечно, поскольку не имеют объективного, беспристрастного решения и разрешаются исключительно посредством борьбы властей. Чьи-то отбросы могут вполне стать важным элементом чьих-то жизненных условий. Предмет спора выглядит по-разному в зависимости от того, какое относительно автономное образование выступает точкой отсчета, а его значение полностью зависит от того, какое место оно занимает в данном автономном порядке. Сталкиваясь с множеством зачастую противоположных влияний, предмет спора может приобретать форму, не предвиденную никем заранее и не приемлемую ни для кого.

Под воздействием множества частичных порядков он никем не воспринимается как “мое дело”.

В современную эпоху эта проблема все более обостряется, поскольку сила технических инструментов человеческой деятельности значительно выросла, а вместе с ней возросли и последствия их применения. Любой островок порядка становится все более отлаженным, рационализированным, лучше управляемым и более эффективным в своих функциях, но множество таких усовершенствованных частичных порядков имеют результатом общий хаос. Спланированные, целенаправленные, рационально выстроенные и находящиеся под строгим

присмотром действия отзываются дальним эхом непредсказуемых, неконтролируемых катастроф. Представьте себе весь ужас предсказываемого парникового эффекта — этого никем не предполагавшегося конечного продукта бесчисленных попыток добыть как можно больше энергии ради большей эффективности и роста производства (каждая такая попытка была прекрасно научно обоснована с точки зрения насущных задач); или представьте себе еще трудно вообразимые последствия попадания в окружающую среду новых генетически выведенных видов живых организмов, из которых каждый в отдельности прекрасно служит своим специфическим целям, но в совокупности они способны изменить экологическое равновесие таким образом, что никто не в силах себе представить будущий кошмар. В конце концов любой выброс в атмосферу токсичных веществ является лишь побочным результатом вполне разумного и честного стремления наиболее рационально (наиболее продуктивно и с меньшими издержками) разрешить специфическую задачу, стоящую перед той или иной относительно автономной организацией. Каждый вновь созданный вирус или бактерия имеет вполне определенную цель и конкретное назначение, например уничтожение особо вредного паразита, который угрожает прибылям фермеров, выращивающих пшеницу или ячмень. Манипуляции с человеческими генами, если это когда-нибудь будет разрешено, точно так же будут нацелены на подобные, очевидно предпочтительные, сиюминутные цели, скажем, на предотвращение последствий или предрасположенности к какой-либо специфической болезни. Во всех этих случаях, однако, изменения ситуации, находящейся “в фокусе” внимания, не могут не повлиять на множество других вещей, остающихся вне этого “фокуса”; эти незапланированные и непредвиденные влияния могут оказаться гораздо более разрушительными, чем изначальная, досадная в прошлом, но уже решенная проблема. Искусственные удобрения, используемые для увеличения урожайности, весьма наглядно представляют эту ситуацию. Брошенные в землю нитраты достигают ожидаемого от них результата — увеличивают урожай. Но дожди смывают добрую половину удобрений в грунтовые воды, создавая тем самым новую, не менее насущную проблему очистки водохранилищ с тем, чтобы вода стала пригодной к употреблению. Новая проблема требует строительства очистных сооружений, в которых наверняка будут использованы новые химические реакции для нейтрализации последствий предыдущих. Рано или поздно обнаружится, что эти новые химические процессы также имеют своими последствиями загрязнение: они создают богатую питательную среду для ядовитых водорослей, которые теперь заполняют водохранилища.

Таким образом, борьба против хаоса продолжается, и конца ей не видно. Но все больше хаос, который должен быть завоеван и покорен, становится результатом целенаправленной, упорядочивающей человеческой деятельности, поскольку решение одних проблем ведет к созданию новых, а каждая новая проблема не может быть разрешена старым способом, т.е. формированием команды, ответственной за поиск и обнаружение наиболее короткого, самого дешевого и “самого разумного” пути решения насущной проблемы. Чем больше других факторов не принимается при этом в расчет, тем более простыми, дешевыми и рациональными выглядят предлагаемые рекомендации.

Подводя итог сказанному, можно заключить: стремление заменить хаос порядком, подчинить доступную нам часть мира правилам, сделать ее предсказуемой и контролируемой вынуждено оставаться незавершенным, потому что само это стремление как таковое является главным препятствием на пути к собственному успеху, поскольку большинство неупорядоченных явлений (нарушающих правила, непредсказуемых и неконтролируемых) суть следствия именно таких узко ориентированных, направленных на решение одной-единственной проблемы

действий. Каждая новая попытка упорядочить какую-то часть человеческого мира и сфер человеческой деятельности создает новые проблемы, даже если она и разрешает старые. Каждая такая попытка порождает новые виды неопределенности и тем самым делает необходимыми последующие попытки — с тем же результатом.

Иначе говоря, сам успех современного поиска искусственного порядка является причиной его самых глубоких и настораживающих недугов. Раскалывание неуправляемой целостности человеческой ситуации на множество мелких, непосредственных задач, которые из-за своей малости и ограниченности во времени могут быть отслежены и управляемы, сделало человеческие действия более эффективными, чем когда-либо прежде. Чем более точной, ограниченной и ясно определенной является текущая задача, тем лучше она может быть выполнена. В самом деле, специфически современный способ ведения дел поразительно превосходит любой другой способ, пока он рассматривается в понятиях ценности, соотнесенной с денежным эквивалентом (т.е. в понятиях непосредственного результата, достигаемого при данных издержках). Именно это имеется в виду, когда описывают современный способ действия как *рациональный*, т.е. продиктованный инструментальным разумом, который соизмеряет фактический результат с предполагавшейся целью и рассчитывает затраты ресурсов и труда. Но все дело в том, что не все издержки учитываются в этих расчетах, а лишь те, что созданы самими действующими субъектами; не все результаты попадают в поле зрения: учитываются те из них, которые соответствуют поставленной задаче, определенной действующими субъектами или для них. Если бы все потери и выигрыши были приняты в расчет (если вообще подобное невероятно претенциозное предприятие можно было бы себе представить), то превосходство современного способа ведения дел выглядело бы менее впечатляющим. Могло вполне оказаться, что конечный результат множества частичных и отдельных рациональных действий является не чем иным, как *иррациональностью*. А наиболее показательные достижения в разрешении проблем вовсе не уменьшают, а наоборот, увеличивают общее число проблем, требующих решения. Это, наверное, наиболее досадное, но неизбежное внутреннее противоречие стремления к порядку и борьбы против неопределенности, которое составляет отличительную особенность современного общества.

Мы все приучены представлять себе нашу жизнь как совокупность задач, которые нужно выполнить, и проблем, которые нужно разрешить. Мы привыкли думать, что если проблема обнаружена, то задача заключается в том, чтобы точно определить ее и найти способ, как с ней справиться (наша первая реакция на плохое настроение, грусть или подавленность — это вопрос “В чем проблема?”, а затем поиск эксперта, который может посоветовать, что с ней делать). Мы полагаем, что как только это сделано, следующим шагом на пути избавления от досаждающей проблемы является отыскание необходимых соответствующих ресурсов и старательное выполнение поставленной задачи. Если же из этого ничего не получается и проблема не исчезает, то мы виним себя в невежестве, нерадении, неспособности (если продолжаем пребывать в плохом настроении, то объясняем его либо собственным неумением справиться с ним, либо неверно установленной причиной такого настроения — мы неправильно истолковали “проблему”). Но никакое разочарование или подавленность не могут подорвать нашу уверенность в том, что любая ситуация, сколь бы ни была она сложна, может быть разъята на конечное число проблем, и с любой из этих проблем можно справиться (сделать ее безвредной или устранить) при наличии должного знания, умения и усилия. Короче говоря, мы уверены, что всю жизнь можно разъять на отдельные проблемы, каждая проблема имеет свое решение, а каждое решение имеет специфический инструмент и метод — их только надо найти.

Эта уверенность делает нас ответственными как за очевидные достижения современности, так и за накопленные тревоги современного общества, которое теперь начинает подсчитывать общую цену научного и технологического прогресса, столкнувшись с опасностями и тупиками, неизбежно сопутствующими этим достижениям. Как мы вкратце рассмотрим далее, эта внутренне присущая современному состоянию неопределенность находит свое точное выражение в том, как мы планируем и ведем свою жизнь.